

4. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 314 с.
5. Каск А.Х. Эстонский язык. // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 35-61.
6. Керт Г.М. Саамский язык (Кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л., 1971. 315 с.
7. Керт Г.М. Саамский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 155-172.
8. Куприянова З.Н., Бармич М.Я., Хомич Л.В. Ненецкий язык. Л., 1985. 264 с.
9. Марийско-русский словарь. М., 1956.
10. Словарь марийского языка. Т. III. Йошкар-Ола, 1994.
11. Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960.
12. Современный коми язык. Сыктывкар, 1955.
13. Терешкин Н.И. Хантыйский язык. // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 319-343.
14. Терещенко Н.М. Нганасанский язык. Л., 1979.
15. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. I. Чебоксары, 1996.
16. Ariste P. Eesti keele foneetika. Tallinn, 1953.
17. Beke Ödön. Mari nyelvjárás szótár. T. IV. 4. Savariae, 1998.
18. Eesti-vene sõnaraamat. Tallinn, 1955.
19. Paasonen H. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
20. Suomen kielen etymologinen sanakirja, т. II. Helsinki, 1958.

А.И.Кузнецова

Москва

О степенях соответствия глагольного управления в уральских языках (на примере марийского и селькупского)

В 1980-х гг. Арто Мустайоки неоднократно обращался к вопросу о соответствии управления русских и финских глаголов и рассматривал общие принципы такого сопоставления. Автор сравнивал языки максимально далекие друг от друга и типологически, и генетически. Внимание исследователя было сосредоточено в основном на падежных формах (включая падежно-предложные). В результате изучения управления в русском и финском А.Мустайоки установил в сравниваемых языках разные степени соответствия глагольного управления, оценивавшиеся им с точки зрения финского языка, и назвал их

И-соответствие, А-соответствие и НО-соответствие¹, границы между двумя последними оказались весьма зыбкими [Mustajoki 1984: 73-87]. Обращаясь к морфологическим и синтаксическим признакам и игнорируя возможные семантические объяснения, А.Мустайоки пытался выяснить причины того, почему управление в финском и русском языках в одних случаях воспринимается как сходное, а в других – как различное.

В отличие от статей А.Мустайоки в данной работе сравниваются особенности управления глаголов 1) в языках генетически родственных, хотя и достаточно далеких друг от друга, и типологически сходных, а именно – в марийском (волжская группа языков) и селькупском (самодийские языки); 2) сопоставление проводится в пределах нескольких семантических групп, куда входят в основном глаголы движения и глаголы эмоций, включающие в свой состав глаголы со значением «(об)радоваться, смеяться, огорчаться, стыдиться, стесняться, (рас)сердиться, бояться, (ис)пугаться, гордиться» и др. На необходимость учета семантики глагола при анализе форм управления указывал в свое время М.П.Чхаидзе [Чхаидзе 1970: 30]. Нередко один и тот же глагол в разных своих значениях может входить в различные смысловые группы слов и иметь при этом разное управление. В данной статье не ставится задача учесть все глагольные валентности; для сравнения берется, как правило, лишь какой-то один случай многовалентности глагольного управления. Последующие конструкции, изучаемые наравне с падежными формами,

¹ Под И-соответствием А.Мустайоки понимает соответствие, при котором на интуитивном уровне при сравнении семантически сходных предложений употребление падежной формы в одном языке воспринимается как прямое соответствие падежу в другом языке: *Hän rakastui Ninaan* (Ill) = 'Он влюбился в Нину (Вин)'; *Hän leikkaa leipää* (Part.) *veitsellä* (Adess.) = 'Он режет хлеб (Вин) ножом (Твор)'. При НО-соответствии обратный буквальный перевод приводит либо к полной бессмыслице, либо к другому смыслу, напр.: *Hän auttaa äitiä* (Part) = 'Он помогает маме (Дат)', но нельзя сказать '*Он помогает маму (Вин)'; *Hän kohautti olkapäitään* (Part.) = 'Он пожал плечами (Твор)', но не '*Он пожал плечи (Вин)'. Автор исходит из положения, что в финском языке Gen, Part. и Nom., соответствующие Род и Вин. падежам в русском языке, представляют собой один падеж, который можно назвать падежом «прямого исполнения» [Mustajoki 1984: с. 77], и, следовательно, в приведенных примерах отсутствует И-соответствие. А-соответствие представляет собой промежуточный случай, при котором сопоставляемые структуры не совпадают, но и не противоречат друг другу; несходство в управлении ощущается, но смысл понятен: *Hän vihastui toveriin* (Ill) = 'Он рассердился на товарища (Вин)', но недопустимо '*Он рассердился в товарища'; *Se riippuu sinusta* (El) = 'Это зависит от тебя (Род)', но неправильно '*Это зависит из тебя'. Границы между И-соответствиями и НО-соответствиями являются, как видно и по приведенным примерам, весьма зыбкими.

которыми управляет тот или иной глагол, иногда выступают как синонимичные некоторым падежам, что отмечается особо.

При синхронном изучении глагольного управления в селькупском и марийском языках следует особо оговорить один немаловажный момент — социолингвистический: селькупский язык относится к языкам младописьменным, не имеющим литературного языка и испытывающим колоссальное давление со стороны русского, тогда как на марийском языке, который празднует 225-летний юбилей своей письменности, имеется собственная значительная литература, и влияние на него русского языка существенно меньше.

Таким образом, сравнение глагольного управления проводилось в рамках одних и тех же семантических групп на материалах языков, родственных по происхождению и сходных типологически (в марийском и селькупском). Вместе с тем, использование русского языка в качестве метаязыка дало возможность сопоставить языки, относящиеся к разным языковым семьям и к разным типам языков (марийский и селькупский в противоположность русскому). При учете подобного двойного сравнения появилась возможность по-новому сформулировать вопрос о степени близости управления в языках: будет ли степень соответствия глагольного управления больше / меньше между языками, генетически родственными, чем между языками разного происхождения, или одинакова? Какие причины (чисто языковые или экстралингвистические) действуют сильнее на результаты?

Управление глаголов перечисленных лексико-семантических групп селькупского языка первоначально рассматривалось мною в сопоставлении с русским материалом на примере северного (тазовско-туруханского) диалекта селькупского языка [Кузнецова 2000]. При этом сопоставлении были выделены три группы падежей, установленные на интуитивном уровне по принципу их соответствия — несоответствия в двух языках, и были высказаны предположения о социолингвистических причинах изменений, возникающих в управлении селькупских глаголов. При сравнении таких генетически и типологически далеких языков, как селькупский и русский, с их принципиально разными падежными системами необходимо было учитывать, что большая кумуляция грамматических значений русских падежей неминуемо приводит к неравновеликому соотношению малого количества падежей в русском языке и большого — в селькупском — одному русскому падежу, как правило, соответствует два-три, а иногда и более падежей в селькупском языке, поскольку рус-

ские падежи заведомо более функциональны, многозначны, чем селькупские. Если глагол был многовалентный, то обычно анализировалась какая-либо одна его валентность, позволяющая четко охарактеризовать с семантической точки зрения и актант. В результате выявились различные падежные соответствия в двух языках, ограниченные определенными семантическими группами как глаголов, так и существительных, управляемых этими глаголами (смысловая связь такого рода иногда называется сильной).

Наиболее четкое, однозначное соответствие падежей наблюдается у глаголов движения, управляющих существительными со значением «транспортных средств передвижения»². В случае сочетания глаголов с наименованиями видов транспорта селькупский глагол управляет Instr., что соответствует в русском Твор. или Пред. падежам (*ехать поездом* и *ехать на поезде*, реже в том же значении употребляется *ехать в поезде*): *Mat qaqlysä* (Instr.) *tūsak* 'Я лодкой (на лодке) приехал' и др. [Кузнецова 2000: 110]. Подобное соответствие характерно для многих языков одной языковой семьи. В близко родственном селькупскому ненецком языке глаголы движения имеют аналогичное управление Loc.-Instr.: *Тэхэ 'на това'* (*хая*) 'На оленях (оленьях) приехали (уехал)'. Ср. фин. *Hän kulkee töihin bussilla* (Adess.) 'Он ездит на работу на автобусе'; к.-з. *мунны пароходоһи* (Instr.) 'ехать на пароходе' (пароходом), *локны вöлöһи* 'ехать на лошадях (лошадьми)'. В большинстве уральских языков (как видно и по ненецкому примеру) не только в управлении, но и в семантике уральского глагола много общего: глагол, означающий передвижение в пространстве, содержит в основе своей указание на направленность движения (в отличие от русского глагола). При этом в одних языках дифференциации по способу движения (жар. *лекташ* 'выйти, выехать, выезжать, выходить', *толаш* 'прийти, приехать', *зончаш* 'перейти, переехать, переезжать, переходить', *эрташ* 'проходить, пройти, проезжать, проехать'), в других возможно указание и на способ перемещения (сел. *tūqo* 'прийти, приехать, подойти', *šerqo* 'войти', *tantuqo* 'выйти' и *antarqo* 'плыть на челноке', *qaqlyttyqo* 'ехать на нартах') [Куз-

² Помимо средства перемещения, определяемого с помощью вопросов «на чем? (двигаться) чем? (пользоваться при движении)», глаголы движения обладают еще несколькими валентностями: при них имеется управление падежами дательным, комитативным и т.п. значениями, которые в данный момент не рассматриваются. Во всех этих случаях управление определяется в зависимости от содержания контекста, иногда используются другие падежи или последние конструкции.

нецова и др. 1980: 77-88]. При учете семантического критерия в процессе сравнения управления в двух и более языках следует выяснить не только падежные эквиваленты или несоответствия падежей, но и семантические группы актантов ('живые существа, пространство, предметы...'). В марийском языке в исследуемых конструкциях 'глагол движения + наименование вида транспорта' управление обычно осуществляется с помощью послелога *дене* в значении «на»: *машина дене шудым кондаш*³ 'на машине сено привезти', *Трактор дене терысым луктым* 'На тракторе навоз вывозят', *Йоча-влак лагерь гыч ик автобус дене пӱртылыныт* 'Дети из пионерского лагеря на одном автобусе вернулись'. Наряду с послеложными конструкциями в говоре Старого Торъяля зафиксированы существующие параллельные случаи управления с *Iness*⁴: *mäj piš дене kajem* = *mäj (eye дене) pišžito kajem* 'Я (по реке) в/на лодке плыву'.

Названия видов транспорта, управляемые глаголами движения, могут быть интерпретированы не только как актанты, но и как сирконстанты. Но независимо от трактовки, приведенные примеры, содержащие управление глаголов движения в нескольких уральских языках, свидетельствуют о том, что между управляющим и управляемым компонентами существует не только грамматическая, но и тесная смысловая связь, которая может быть безошибочно предсказана по одному из компонентов. Так, по слову, означающему какой-то конкретный вид транспорта («самодвижущийся предмет») и стоящему в определенном падеже или употребляемому с определенным служебным словом, можно восстановить и другие слова, указывающие на этот класс; функцию классификатора существительных при этом выполняет глагол движения в его первичном лексико-семантическом варианте. Подобная семантико-грамматическая взаимозависимость относится к скрытым категориям языка, впервые выделенным в языке Б.Л.Уорфом [Уорф 1972: 45, 47]. Скрытые классы слов, на которые указывают другие слова,

³ Материал по марийскому управлению собирался из монографий и статей Г.М.Тужарова, И.Г.Иванова, Н.Т.Пенгитова, Р.П.Игнаевой, В.Н.Максимова и др. Были использованы также полевые материалы автора, собранные в с. Старый Торъяль и приводимые, как правило, в транскрипции. Перевод примеров дается буквальный, пословно. Финские лингвисты (А.Алхониemi, Е.Кангасмаа-Мини и др.), как и марийские, особое внимание уделяют падежу управляемого слова и рассматривая управление как вид синтаксической связи, — послеложным конструкциям, частичечной характеристике управляющего и управляемого слова и т.п. формальным признакам управления.

⁴ Ср. аналогичное управление в эрзянском языке: *уемс паротодсо* (*Iness*) 'плыть на пароходе/пароходом'; *ардомс машинасо* 'ехать в/на машине'.

Б. Уорф называет криптотипом (встречается и термин криптокласс [Кретов 1992]).

В отличие от группы глаголов движения, где степень соответствия глагольного управления достаточно велика, в лексико-семантической группе глаголов, передающих эмоциональное состояние, в селькупском и марийском языках в глагольном управлении наблюдаются значительные расхождения. В современном селькупском языке они во многом объяснимы изменениями под влиянием русского. Эти изменения привели в конечном счете к совпадению управления глаголов данной группы с управлением аналогичных глаголов в марийском языке, чего ранее, возможно, не было, поскольку в селькупском языке эмотивные глаголы в XIX – начале XX вв. имели иное управление (впрочем, не исключено, что влияние со стороны русского языка испытал в отдельных случаях и марийский язык). Однако в отношении ряда слов можно определенно утверждать, что различия в глагольном управлении существовали издавна. Кроме того, в отличие от глаголов движения в данной семантической группе круг актантов необычайно велик, и это затрудняет установление соответствий.

Для группы глаголов со значением, выражающим эмоционально-психическое состояние, в марийском языке характерно наличие *Dat.* в управляемом слове и широкое использование послеложных конструкций. В селькупском языке послеложные конструкции встречаются не реже, а конструкции с *El.* или *Instr.*, наиболее типичные в недалеком прошлом, заменились в последнее время также на *Dat.* (см. подробнее [Кузнецова 2000: 109-112]). С позиции носителя русского языка среди эмотивных глаголов могут быть глаголы, обладающие не одной, а несколькими валентностями (обычно двумя), напр., «рассердиться на кого, за что, из-за чего» и т.д. Однако в сравниваемых уральских языках это часто бывают одновалентные глаголы, причем послелоги по значению обычно совпадают со значением падежа. Также приводятся с пословным переводом примеры из селькупского и марийского языков.

«**Сердиться**»: сел. *Ima nenñymõssa iraqotantykin (Dat.)* 'Жена рассердилась на мужа своего'; *Mõtty šerlä nenñymõttena näl'äqitkini (Dat. Du)* 'В дом войдя, рассердился на дочек'; мар. *Mäj üdäremän äzilän (Dat.) särenam (ojganenam)* 'Я на отъезд дочери рассердился (огорчилась)'. «**Пугаться, бояться**»: сел. *Yka enäš na kanan äny!* 'Не бойся этой собаки!'; *Tär nyrqymõssa mat kanan nõny* 'Он испугался моей собаки'; мар. *Izam pij deč lüdeš* 'Мой брат собак

боится'; *Māj küdärčö deč lüdam* 'Я грома пугаюсь'. «**Стыдиться, стесняться**»: сел. *Ijamy wəŋqu qumytyn* (Gen. Pl.) *nōny soryša* 'Мать сына взрослых людей стесняется'; мар. *Māj tendan* (Gen. Sg.) *deč vožəlam* 'Я Вас стесняюсь', *Ške lavəran vurgemem deč vožəlam* 'Сам грязной одежды-своей стесняюсь'. Ср.: *Izaže akažən šükə mirməžlan* (Dat.) *vožəleš* 'Ее брат сестры своей плохого пезам стесняется'. «**Радоваться**»: сел. *Tat qaisä* (Instr.) *nanneryñtalpant* 'Ты чему так радуешься?', *Iraqota žntaleisa kansantōqo* (РхТранс. 3Sg) 'Старик обрадовался своей трубке', *Imaqota žntaleisa ijam cəty* 'Старуха обрадовалась своему сыну'; мар. *Māj u tuvərian* (Dat.) *kuanenam* 'Я новому платью обрадовалась'. «**Смеяться**»: сел. *Təryt pisuññətyt tol'cysumyl' qumytqunu* (El.) / *qumyntu nōny* / *qumytkyñ* (Dat.) 'Они смеялись над лыжниками' (подробнее см. [Кузнецова 2000: 108-109]); мар. *Me tudəñ māskarəžlan* (Dat.) / *māskarəžlan kəw* (из-за шуток) *voštələnna* 'Мы его шуткам смеялись' ('над его шутками').

Результаты сравнения глагольного управления в трех языках могут быть суммированы в следующей таблице.

Значение глаголов	Глагольное управление (падежное и послеложное)		
	Селькупский язык	Марийский язык	Русский язык
«Стыдиться, стесняться»	El. и Gen. + <i>nōny</i> (значение причины)	Dat. и послелог <i>de</i> (значение причины)	Род
«Радоваться»	Instr. (устар.), Transl; послелог <i>cəty</i> (значение причины)	Dat.	Дат.
«Смеяться» (чему, над чем)	El; послелог <i>cəty</i> (значение причины)	Dat, Dat+ послелог <i>kəga</i> (значение причины)	Дат. над + Твор.
«(Рас)сердиться»	Dat.	Dat.	Вин.
«(Ис)пугаться, бояться»	Послелог <i>nōny</i> (значение причины)	Послелог <i>de</i> (значение причины)	Род

В группе глаголов эмоционального состояния совпадений в управлении между марийским и русским языками не меньше, чем между селькупским и марийским. Это может быть связано как с более широким по своей семантике (сравнительно с актантами глаголов движения) кругом управляемых существительных, так и с изменениями в управлении селькупского, а частично, возможно, и марийского языков под влиянием русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Кретос А.А. Съедобное-несъедобное или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silensiana* 14, 1992. С. 103-114.

Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. М., 1980. 369 с.

Кузнецова А.И. Изменения в глагольном управлении в селькупском языке: спустя 65 лет после работы Г.Н.Прокофьева у туруханских селькупов // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур XXII Дульзоновские чтения Ч. III. Томск, 2000. С. 107-113.

Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 44-60.

Чахидзе М.П. Вопросы глагольного управления в некоторых финно-угорских языках в сравнительно-типологическом освещении // *Congressus Tertius Internationalis FUI - Tallin*, 1970.

Mustajoki A. О разных степенях соответствия глагольного управления в русском и финском языках // *Studia Slavica Finlandensia*. T. I. Helsinki, 1984. С. 73-87.

Н.М.Краснова

Йошкар-Ола

Маркеры стиля синтаксического уровня в произведениях горномарийских писателей

Основная цель данной работы – выявить и описать маркеры стиля синтаксического уровня, образуемые компонентами глагольно-именных словосочетаний в рамках предложения и более широкого контекста. В соответствии с намеченной целью предлагается решить следующие задачи: 1) установить частотность использования выявленных стилистических средств; 2) определить функции стилистических приемов.

При написании работы использовались описательный метод и системно-функциональный подход. Материалом для статьи послужили оригинальные художественные произведения горномарийских писателей, в частности, роман в стихах «Йынгы йошкар» («Течет Юнга») В.Е.Григорьева и стихи Л.Калинова. Всего проанализировано 217 использованных стилистических приемов.

Впервые термин «маркер стиля» ввел Н.Энквист в своей работе «Linguistic Stylistics», где под маркерами стиля он понимает стилистически значимые черты, т.е. выразительные и образные средства языка (Enkvist 1973: 146). Традиционно к маркерам стиля синтаксического уровня лингвисты (И.Р.Гальперин, И.В.Арнольд, Г.Я.Солганик) относят инверсию, параллелизм